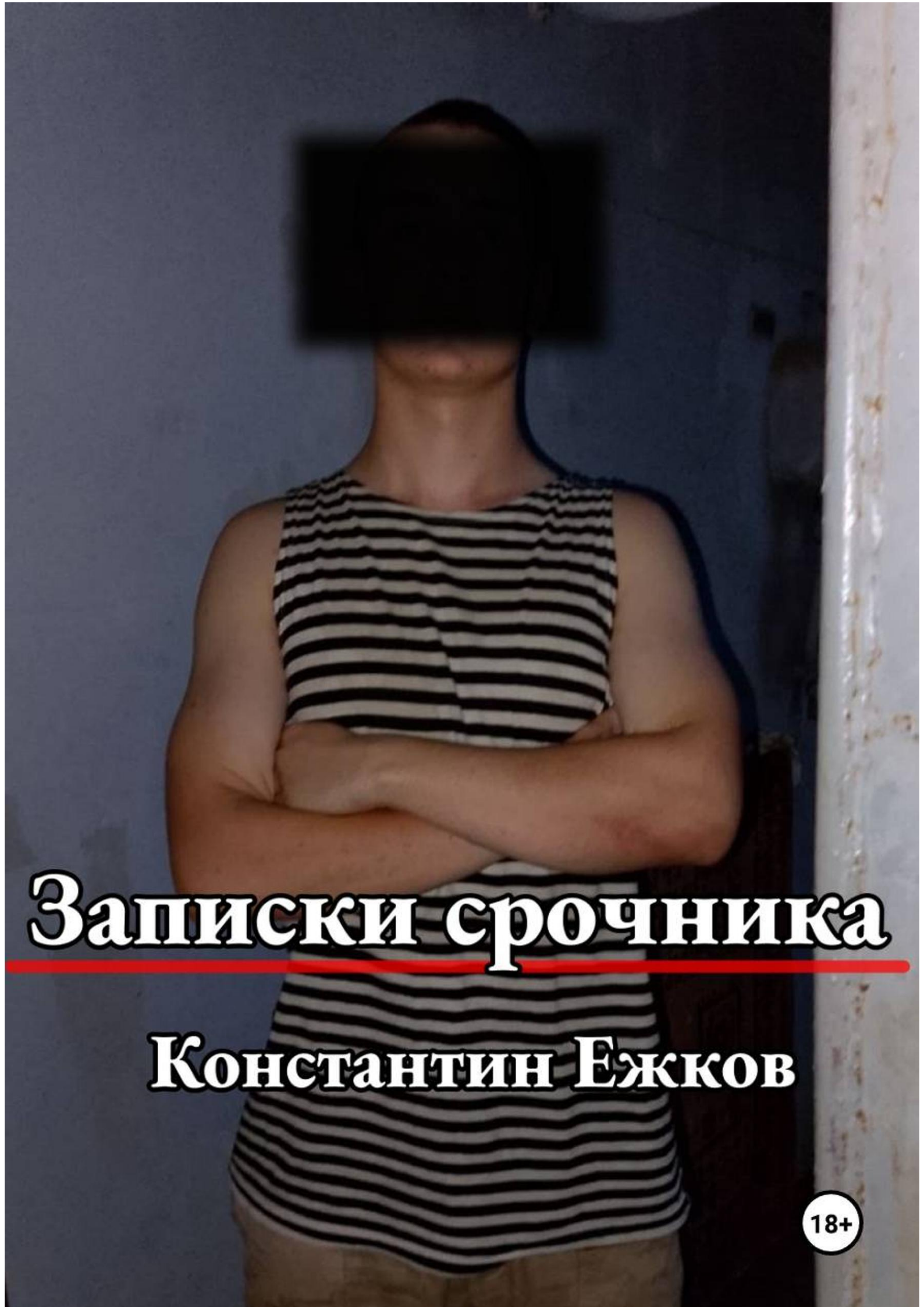

Записки срочника

Константин Ежков

18+

Константин Ежков

Записки срочника

«Автор»

2026

Ежков К.

Записки срочника / К. Ежков — «Автор», 2026

Я пошел в армию добровольно, чтобы сбежать от скучной гражданской жизни. Думал, будет романтика. Оказалось — это бесконечное копание песка, мытье лестниц, тревоги в подвалах и чтение Толстого на посту в Севастополе. Здесь нет пафоса, дедовщины и ура-патриотизма. Зато есть прапорщик, который театрально топчет зимние кальсоны, ночные пробежки под «It's Raining Men» и осознание того, что свобода после дембеля — это вообще отдельная история. Честный дневник о том, как проходит год твоей жизни, если ты решил просто "посмотреть", как это.

© Ежков К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Армия начинается до армии	5
И этот день настал	8
В поезде	10
Все что не делается - к лучшему	11
Буденновск: романтика аэродрома	13
Отдельная глава про ГСМ	19
Мать и сын	21
Почему я поехал в Ростов-на-Дону	24
Переезд	25
Ростовское училище: первые часы	27
Ростовская учебка: первая ночь	29
Прощание с 2.3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Константин Ежков

Записки срочника

Армия начинается до армии

Это я быстро усвоил, когда оказалось, что меня никуда не замазали.

Да, это прискорбно, но с другой стороны я и не хотел чьей-то помощи извне - это все равно как списывать на экзамене: никогда не узнаешь себя настоящего.

Просто сам факт того, как меня не замазали поражает.

Но это все лирика.

Почему я, молодой парень, довольно неплохо сдавший ЕГЭ, решил вот так круто повернуть свою жизнь?

Когда везде трубили, что армия - это потеря времени?

Когда к тебе неадекватно относятся родители и только шутят с тобой (а ты ведь на полном серьёзе!)?

Когда ты знаешь, что идёт война (будем прямо говорить) и слухи о срочниках на СВО далеко не слухи?

Все банально и просто: я устал.

Я устал идти по тропе, которую кто-то проложил за меня, продумал, прошерстил ее. Это тропа была заложена задолго до меня, наверное, на заре человечества, но приобрела именно свои шоссейные и магистральные оттенки сегодня: садик - школа - вуз - работа - дом - работа - пенсия - смерть.

Это не тропа жизни. Это тропа смерти. Смерти не физической - внутренней.

В погоне за корочкой, за хорошими оценками, за аттестатами, за грамотами олимпиад (ими даже подтираться не очень), за успешным успехом, за одобрением общества, за «ай молодчина» от родителей (читай: «и как хорошо, что ты не выбиваешься из того, что говорят по телеку! все четко, понятно, все в шаблоне - в общем, мы не вечны и поэтому рады что ты тоже станешь не вечным») «наша гордость!» от преподавателей (понимай: «хорошо, что не портишь нам статистику и благодаря тебе выплатят премию, до твоей личности мне все равно нет дела»), за хорошим портфолио, за лайками в социальных сетях (вроде все) - люди, молодые люди, в чьих руках будущее не только России, но и мира в целом, теряют себя, подгоняют себя под чьи-то (ключевое - чьи-то, и даже не национальные, не родительские, не поколенческие и не идеологические) интересы, дабы бесконечно работать, ездить домой, а потом на пенсию - в общем, вы поняли.

Люди теряют себя.

От вчерашних школьников - да что там! уже и от первоклашек - требуют определиться с профессией, уже хотят на них поставить клеймо такого-то и такого-то специалиста, хотят, чтобы они четко понимали себя, заземлись и главное особо не высывались: стабильный человек - это тихий человек, который молча прослужит топливом для экономики на ближайшие пятнадцать лет и уйдет на счастливую и благополучную пенсию (о ужас).

Кому это выгодно? Одному Богу известно, но эта книга не об этом, поэтому вернёмся к тому, как же все таки армия начинается до армии.

Итак, получается с мая я уже был твердо намерен пойти в армию. В этом решении и усталость от учебы, и романтизм, и желание побыть настоящим, и непонимание, куда поступать, и юношеский максимализм - интересный такой парфюм. Все смешалось и требовало одного - вырваться на волю, побыть там где не был никогда, там, где никто тебе не поможет и ты сам по себе - ты настоящий.

Конечно, такую формулировку я придумал уже после армии, когда вернулся домой. Она появилась сама собой в рассказах за жили-были и храбрых моих похождениях всем тем, кто боялся туда идти и для кого я был словно из другого мира.

Я сдал экзамены. Все же знают, каково это? Не будем здесь останавливаться.

А вот про что стоит сказать, так это про мучительное ожидание начала. И почему я только родился в сентябре? Не передавать словами, как медленно тянется время, когда тебе остаётся только ждать. «Если бы меня забрали сегодня, я бы служил уже два месяца», - такие мысли регулярно посещали меня, я не мог спать. Июль и август выдались и прошли тяжело: ничего не помогало отделаться от чувства, что ты теряешь время.

Наконец-то наступил сентябрь. За ним - октябрь. Конкретнее - первое октября.

Это был день, когда я пошел на Яблочково проходить комиссию. Это был день, которого, наконец-то, я так долго ждал.

Но военкомат видимо меня не ждал: я - лысый, в адидасах, раскаченный (ну, ладно, не прям шкаф, но точно подтянутый - ибо к армии я готовился и видел себя в морской пехоте) и тысяча толпа ботаников. Все они на одно лицо: трясущиеся от волнения руки, в руках - диплом, у кого бакалавриата у кого магистратуры; очки больше глаза, длинные волнистые волосы, шепелявость. Это, конечно, собирательный образ. И, конечно, не все были там такими - но что там точно были все, в этом я не сомневаюсь, потому что в одно только первое окно (да здравствует бюрократия!) я сидел час. И вот какой диалог меня ожидал:

- Вы куда?

- Я на срочку.

- А где диплом?

- Я на срочку.

- А...вам туда!

И перенаправил в другое окно. Там уже не парень, а девушка, но смысл похожий:

- Вы куда?

- Я на срочку.

- Удивительно, ну что ж. Вам туда!

И перенаправила на этаж выше.

Начались врачи, тут очереди не было нигде. Н.И.Г.Д.Е. Весь этап занял у меня от силы минуты двадцать, и то только потому что я ходил не спеша.

Единственный, кто меня подвёл - хирург. Мол, не понравились ему мои результаты с ЕМИАСа, что у меня дескать наблюдение по сколиозу.

Знаете, что я хочу сказать? Пошли вы все к черту с вашими болячками! Мне было обидно тогда, обидно в день отправки и обидно до сих пор, что у меня из-за какой спины не А, а Б, да и при том такая Б, что похоже на В. Удивительно!

Ладно, все лирика. Пару тестов еще пару врачей и вот я попал в большую комнату ожидания.

Не помню, сколько там просидел. Но за то время я успел сблизиться с каким-то парнем, которого позже встречу уже в распределке; сыграть в настольные игры; поспорить и зацепиться с кем-то языком; удивиться, что я не один такой восемнадцатилетний; удивиться, что кормить видимо меня никто не собирается, а я голодный...Столько метаморфоз!

Ну наконец-то!!! Наконец-то мой талончик вызывают!!

Сидит полковник, рядом с ним табличка: «Товарищ полковник, призывник ФАМИЛИЯ ИМЯ, прибыл для прохождения призывной комиссии»

Кое-как волнуясь сказал.

Расстроился, узнав, что в морскую пехоту не попаду - ибо категория Б4.

Но больше всего был следующий удар - забирали мне только через две недели.

«И чем вы мне прикажете заниматься?» - с грустью задал свой вопрос без ответа, жуя булку и запивая снежком из Пятерочки.

Не буду рассказывать об этих двух неделях. Они не то что отдельной главы недостойны, да даже и пары строк: кто-то отговаривал, кто-то злился, кому-то было все равно.

Единственное: звонит мне дядя и говорит, что, мол, я все посмотрел, уезжаешь ты в Наро-Фоминскую говнопехоту, так что давай поможем тебе и поедешь в Подмоскovie, в спецназ, а?

Ну и какой бы мальчишка отказался от этого? Теперь мне суждено было съездить, забрать повестку и уехать только в ноябре.

И этот день настал

Проснулся в шесть утра. Было пасмурно, холодно, допоздна по телефону общались с кентами (хотел написать «друзьями», но армия много что поменяла) и поэтому присутствие легкого недосыпа ничуть не удивляло меня. Куда сильнее бодрила скорая развязка - только съездить, забрать повестку и домой. А дальше дело в шляпе.

Так, видимо, думал и мой папа. Поэтому со словами «Ну ничего, сейчас пару часов там, а вечером уже чай дома попьешь» отправил сына в армию. Без малого на год.

Как же так?

Все просто - люди, ответственные за то, чтобы я был мазанным, банально перепутали адреса. Вот так.

Армия начинается до армии.

Угрешская уже была и по атмосфере и по духу другой - это вам не Яблочково, это рас-пределок! отсюда обратной дороги уже нет.

И этот день, день когда я даже не попал в армию, запомнился, пожалуй, лучше всего - после дембеля и выкупа из учебки.

День на Угрешской прошел интересно.

День в лицах: парень с мениском, Суета (он же - Гусь), толстомордый вдвшник, Костя, капитан Г, контрабас Никита.

Обо всем по порядку.

Было удивительно неприятно увидеть воочию устройство государственной машины: человек с больной ногой, между прочим, мениск это не ушиб, а серьезная травма для госпитализации, - а и тот пришел по повестке. Он буквально говорил следующее: «Да я не против, дайте только полгода чтобы прооперировали - сам к вам приду». Но нет. Он так и сидел, даже когда очереди рассеялись и нас уже разбили по командам. Дальнейшая его судьба неизвестна мне.

О чем это говорит? Неужели многоуважаемые сотрудники военкоматов, полковники, майоры, прапорщики, гражданские, министры - в общем, все кто стоят у руля - вне себе? Неужели бюрократическая машина настолько запуталась сама в себе, что даже для тяжело-больного человека не остаётся и места подышать? Я не знаю ответа. Видимо, армия одно из тех мест, которое было и будет славиться своим необычным подходом к делам.

Что такое Суета? А это позывной от капитана Г, который получил Максим. Все было просто и прозаично: мы попали в команду в Будённовск, и как только Суета узнал, что он едет на Кавказ - от него стала исходить неимоверная энергия, он сделал тысячу звонков, он не сидел на месте. Это пишу по рассказам очевидцев, сам не присутствовал.

Мы сидели в очереди. Все полуголые, в одних трусиках. Парень справа от меня (звали его Вова) слегка укуранный, видно вчера слегка перебравший на проводах, просил у меня сигареты. Не было сигареты - не курил.

Очередь дошла до нас.

Ему - «рекомендован к вдв». Такая красивая, такая твердая, такая сильная печать с черными чернилами...

А мне? Мне - кукиш. Почему?

Да потому что когда-то наблюдался у хирурга по спине и предательский ЕМИАС все высветил про меня. Вот так. Качайся не качайся, а с информации - ты не годен, без информации - годен. Даже к вдв.

«Земля круглая», - подумал я, когда увидел своего тезку и приятеля в кабинете у врача. Какими судьбами Костю занесло в тот день и именно в то время? Бог его знает. Но факт остаётся фактом.

Ну и контрабас Никита, как же без него: не успели мы ещё присесть в комнату, где нас собирали, он уже стал агитировать на контракт. Сам дурак подписал, так теперь и нас хотел пригласить в рабство. Ну и ну! Это знаете, как у наркоманов: чем больше людей втянуто, тем легче - тяжкий груз вины за необдуманное решение и потерянный жизненный потенциал, молодость, легкий путь всегда лучше с кем-то разделить. Всегда приятно знать, что ты не один такой. Это успокаивает.

Но обо всем этом я тогда не так думал, конечно. Меня просто-напросто сдерживало слово, данное отцу - отставному офицеру - что контракт я не подпишу и на войну не поеду. «Не ваша эта война, сынок. Дай мне слово, что не подпишешь!» - ну, а я и дал. И рад этому.

Вообще забавно получается: я ведь так много думал о контракте, так сильно в голову мне вбили романтизм о войне, так хорошо обещали платить. Дескать, пять миллионов решать все мои проблемы. Как это было наивно и глупо!

Желание подписывать сразу пропало после парня с мениском.

Все врачи, тем временем, были пройдены - нас распределили в команды и отправили покушать.

Жажда пить - то, что будет мучать меня на протяжении всего года.

Дома я пил по несколько стаканов воды за один прием пищи. Вместо воды родина предложила выпить картонную банку яблочного сока. Собственно, жаловаться не приходилось - «военный должен стойко переносить все тяготы военной службы»...или как там?

Жажда пить, жажда спать, жажда полежать, жажда полениться, жажда увидеться с родными, с мамой, жажда помыться в горячей воде, жажда одеться как хочется, жажда не заступать в наряд, жажда не лезть на тот чердак, жажда не сбривать волосы под ноль, жажда не бриться (о! как же я рад теперь, что нет у меня дома утренних осмотров), жажда не слушать этих придурков, которые называются комодами, и других придурков, которые командовали нами.

Жажда жить. Жить. Не ждать окончания срока. Вот, что мне хотелось.

Мы сидели и ждали. Контрактник рассказывал про службу. Про него могу сказать только хорошее: уже и будучи в поезде, он был с нами приветлив, откровенен и действительно хотел помочь зелёным адаптироваться.

До поезда мы получили сухпайки, обмундирование (я - последний призыв с разноцветной парадкой, после - только зелёнка) пару раз потерялись в стенах в распределке, научились завязывать берцы...

Я сел в автобус и заснул. Моментально. Так ещё и слюну пустил.

Никогда такого не было.

А слюна уже висела из уголка моего рта прямо до пола.

Мы прибыли на Восточный вокзал - там, где Черкизовский рынок. Тут я уже бывал: с родителями отправлялись на отдых в Абхазию, поэтому перрон, само здание - все было привычно.

В комнате ожидания мне подбили погоны. Не научился и до сих пор не умею привязывать. Хорошо, что был Сэм.

Его настоящее имя сложно произносить для русскоговорящего, да и собственно кому это интересно? Позывной, все как в армии!

Сэм так Сэм.

Мы сели в поезд.

Я заснул. Так и закончился этот день.

В поезде

Мы ехали двое суток. Это были чудесные сутки.

Нетрудно догадаться, как я был счастлив и рад началу своему пути. Сколько счастья я тогда испытывал: и мерный стук колес поезда и луга и поля, разговоры с бабушкой-соседкой и проводницей - всё как бы слилось в счастливый поток, в котором я благополучно растворился.

Звучит как мечта. Как будто кто-то получил повышение, сделал предложение и ему не отказали, наконец-то съехал от родителей ну и самое очевидное - поступил в вуз: именно туда, куда хотел. И вот он этот вчерашний школьник - а теперь студент Самого Лучшего Вуза Страны и Обязательно Москвы (сокращенно - СЛВСиОМ) или какие там буквы сейчас - уже смакует как получит заветную корочку, как будет учиться, как встретить свою первую любовь, а потом найдет еще и работу мечты и все будет у всех хорошо-хорошо-хорошо!..Так ведь, да?

Хорошо, что я в это время сидел и пил чай. Из сухпайка.

Кстати, о сухпайках - о, к этим ребятам я с детства был равнодушен: посмотрелся в интернете роликов об армиях, о питании в них; посмотрелся распаковок и стал просить на новый год. Хорошо, что дядя был военный. Так через прапорщика договорился, а так бы ещё пришлось платить за это...чудо...

Ну, в общем все познается в сравнении и поэтому рис, который в детстве мне казался шедевром и который я с таким трепетом маленькими ручонками разогревал в микроволновке теперь ну разве что годился для острых споров о том, как устроена наша армия и к чему движется (вот прям как вся эта книга!)

Так ещё и холодный. Но ел. Воспитал характер.

Вася (Костя) слушает да ест - устраивая банкет («чайхану»), мне удалось познакомиться со всем вторым вагоном.

Итак, вот они люди, с которыми я разделял завтрак, обед, ужин, туалет, телефон, душ, утреннее и вечернее построение, кричи прапорщика Г (Колыван) и часы скукоты в столовой госпиталя до того, как я добровольно отправился в Ростов:

Максим (Суета) - добродушный парень, азербайджанец. Жил в соседнем от меня районе, занимался b2b-арбитражем (темкой он отказывался это признать). Толстый. Мегаактивный и веселый - мы сразу нашли общий язык;

Никита (Абхазский мент) - его лицо было слегка приплюснутым. Адекватный, харизматичный. Его толстота ему конечно мешала, но без нее это был бы не Абхазский мент;

Саидмахмад (Сэм) - представитель малой национальности из Афганистана. КМС по тхэквондо, смелый. Все командиры его знали как многоворящего и порой чересчур смелого новобранца;

Дима - программист. Вместе с ним пели Мияги и не о чем не парились;

Федя и Илья (он же - Акула, Еврей) - парни с похожей судьбой: им тоже по восемнадцать, как и мне, и тоже пошли в армию сразу после школы. Только они были чуть умнее и поступили на заочку, взяв академ;

Никита Журавлев - человек, который посвятил меня во все тонкости 3d-печати;

Егор - парень, посвятивший меня во все тонкости работы двс.

Саня - жили в одном районе в десяти минутах ходьбы друг от друга. Он больше всех расстроился, когда узнал, что я уезжаю в учебку.

С остальными из двадцати у меня не сложилось особых отношений: кто-то был слишком стар для меня, с кем-то не сошлись характером, кто-то глубоко верил, что я мазанный. Но я не был им!

Все что не делается - к лучшему

Вот мы и в части. Позади - двое суток в дороге и два часа езды от Минеральных вод на старом потертом автобусе. Было туманно, прохладно - с гор на землю спустились тучи.

Мы ехали не спеша. Я ел паек, потому что кто знает когда еще мы сможем поесть?

Говорили, что там, в части, вертолеты, самолеты.

Аэродром это всегда романтично. Авиация! Что может быть лучше?

Разве что когда по пути к лазарету вас приветствуют словами «О, мясо прибыло!» Ах, что может быть лучше для мотивации и поддержания высокого морального духа?

Мы остановились. Построились, перед нами встал маленький, невысокий полковник нерусской внешности. Пузатенький. Смотришь на него и не ощущаешь какой-то агрессии или важности. На такого на гражданке я бы и левым глазом не посмотрел - в московском метро, в толпе, он бы просто растворился. По описанию и не скажешь, что он - командир части, ведь так?

А нет, именно Бит-Шабит (переделанная между нами фамилия) и оказался тем, кто заведовал всем происходящим вокруг.

Первые его слова - о контракте. Все деньгами заманивал, ещё тогда у меня возникла мысль, может быть у них там какая-то реферальная ссылка есть? Какой процент за приведенного?

Непродолжительная речь закончилась. Мы поднялись на второй этаж, разложили перед собой сумки и весь наш хабар. Ждём. Заходит он - прапорщик Г, он же Кольван.

И откуда такие прапорщики существует до тех пор Русь стоять будет! Храни его Господь.

Высокий, широкомордый, кареглазый. Слегка заплывший жиром, но только так, чтобы подчеркнуть свое превосходство над нами, зелёными, молодняком, позором и стыдом армии! Четкий прямой нос с легкой горбинкой подчеркивал человека исключительной силы и невероятного склада ума. А голос! какой голос, только послушайте:

- Так, значит, выкладываем все что есть! И БЫСТРО!

Из наших сумок было выложено все: луноходы (зимние берцы, прозваны так за свою неуклюжесть), всевозможные носки (и как я их только носил?), кальсоны, домашняя еда: целая упаковка шоколадных конфет Аленька, яблоки, печенье, остатки сухпайков. Также: парадная форма: перчатки, кашне; у женщин - косметичка, а у срочника - несессер; гражданские шампуни, телефоны...Такой ревизии мог позавидовать только ревизор.

И затем, конечно, пришел майор. Но не тот, который должен быть, а тот, который заменил. Его роль в нашей истории незначительна, эпизодична - пьяное обещание показать, как в его молодости в вдв стреляли; ну и разговор о том, как это так, что мы не знаем родительских телефонов - после него я знаю номер отца и матери наизусть.

Поздоровался, потолкал речи, пересчитали. Да и все.

Затем, внезапно, среди всего хаоса и беспорядка, появился он - Коля.

Хотите - верьте, хотите - нет! но именно в тот день, в тот час, когда я прибыл, мой брат был в командировке в Буденновске. Каково было мое удивление! Старший лейтенант отпросил меня у майора на пару слов и, уединясь, мы радостно обнялись и начали о друг друге все узнавать. Первое серьезное предложение - принести мне технику. На армейском сленге это значит самый обычный сенсорный человек, так привычный гражданскому. Я, конечно, был рад, но разум взял верх в тот раз - и не зря, через пару недель один из новой, подмосковной партии спалился с сенсоркой. Только угроза наказания самому капитану Г и старому сержанту (да, именно так: по происхождению азербайджанец, имя и тем более фамилию не запомнил) смягчила ситуацию и вместо губы молодого ждала отправка в БАТО - самое отстойное подразделение.

Ещё позже брат навещал меня. Два или три раза. Принес шоколадок и на время меня и моих товарищей это вернуло к жизни, словно мы снова в Москве и можем делать, что захотим и идти туда, куда считаем нужным без разрешения.

Спасибо тебе, Коля!

Буденновск: романтика аэродрома

Моя душа радовалась приезду сюда. Это лучше, чем Подмосковье. В конце концов, о какой службе в полном смысле этого слова может идти речь если ты мазанный, так ещё и дома?

Здесь было все о чем только можно мечтать: кавказские нравы, истребители над головой каждые пять минут (кто на взлет, кто на посадку), «коровы» - гигантские грузоподъемные вертолеты, которые так лениво рассекали воздух в небе, что когда будто и вовсе не хотели лететь. Ну и конечно те самые вареники с картошкой по понедельникам. Как же это было вкусно! Никогда в жизни не забуду с какой надеждой и вожделением ждал утра понедельника, когда на завтрак подавали их - вкусные, сочные, аппетитные полуфабрикаты...Ну и рыба, конечно! Куда же без армейских суш? Нужно отметить, что рыба в Будённовске действительно была достойной, с питанием для летного состава и того, кто его обслуживает все хорошо. Столовая была одноэтажная, небольшая, по атмосфере скорее напоминала домик из детского лагеря. На охрану одежды всегда ставили одного из нас - мало ли кто захочет что-то присвоит. С собой брали бак для воды. Как я ее хлебал! С каким удовольствием утолял свою жажду, до тех пор пока сам не пошел набирать воду. Было это так. Честь тащить пустой бак в столовую и полный из нее в конце строя выпал на нас с Федей - мы были и не против, в общем-то, наконец-то что-то новенькое в нашем однообразном кмб. Нас выпустили сквозь раздачу и мы прошли на кухню. Доброжелательные тетечки с зарплатой пятнадцать тысяч рублей показали нам, где наполнять воду. Поставив бак, без раздумий включил воду. Поднял голову. Надпись: «Воду из под крана не наливать!». Вот так вот.

Что такое завтрак, обед и ужин в армии? Как говорил младший сержант Г: «Это вам не ресторан, закинули в топку - ням-ням - и пошли дальше по делам». Повторюсь - с питанием в Будённовске все было в порядке, ибо летчики - дорогие и обеспечивать их нужно только хорошей едой. Особенно скучаю по тем свежим пряникам, которые мы набирали тоннами в карман и потом кушали в голодные часы.

Первое сладкое в армии мы получили на 4 ноября - на День народного единства. Какая же «Ласточка» была вкусная! Я вел записи (что-то вроде дневника) и вложил туда обертку от конфеты. К сожалению, выпала. Но главное что она у меня в сердце. А еще яблоки.

Да-да, не стоит удивляться такой радости обычному красному яблоку - в армии в принципе нет свежих фруктов и овощей. Хотя и положено по уставу. Но как говорится... Впрочем, мат и грубые выражения я оставил на срочной службе, поэтому тут без них. Кто знает - тот поймет.

Что касается устава - никто его не любит. Нет хуже жизни, чем по уставу. Устав - эта книга, которую можно и не открывать в принципе. Их 5, если не больше уже, на тот момент точно было 5. Но если вы все таки решились прочитать - передумайте. Вот вам моя краткая аннотация: «Вы хотите общаться не по человечески? Думаете, что нет ничего лучше, чем субординация? Мечтаете о порядке? Тогда эта книга для вас: перефаршируйте свои мозги и научитесь делать правильное количество шагов к офицеру и правильный угол наклона шага по отношению к плацу!» Даже наши ротные не особо любили устав - строевая проходила через пень-колоду, а уроки о кмб выглядели так: меня выбирали как самого громогласного и все дружно под мою диктовку записывали лекции и темы. Как правильно ходить, как обращаться, обязанности военнослужащего ну и так далее - всякую непрактичную чушь, короче, которая мне не особо пригодилась, чтобы выжить в армии.

Естественно, половину мы сокращали, половину пропускали. Нас страшили проверкой, но она так и не пришла.

В основном мы сидели и общались. Кто о чем: о родных, о девушках, о еде, о головной боли. Одна партия (сидела в центре) играла в монетку: 5 рублей нужно подбросить и поймать

тыльной стороной ладони; затем необходимо поместить ее (не используя другую руку!) между пальцами. Куда поместишь, такая роль тебе и достанется: между большим и указательным - палач; между указательным и средним - король; между средним и безымянным - дама; между безымянным и мизинцем - мирный. Каждая роль со своими правами и полномочиями: король - назначает наказание; палач - исполняет его; дама - называет количество наказаний; мирный - радуется жизни от того, что не получает наказания. Несложно догадаться, что хуже всего было тем, кому ничего не досталось. Ох, сколько же «лосей» и щелбанов мне прилетало...

После таких вот конфузов Я очень боялся за мои ментальные способности - судьба Мухаммада Али произвела на меня очень сильное неизгладимое впечатление в детстве. И поэтому решил зря времени не терять и даже вдали от цивилизации не просто не отупеть, а поумнеть!

Стал вести записи: вырывал страницы из тетради и писал все, что думал, слышал, рассказывал, вспоминал.

Так, Вадим провел мне лекции по чертежам и аддитивным технологиям. Я узнал, какие шрифты используются в чертежах, сколько стоит напечатать что-либо на принтере, как устроен принтер - до последнего винтика! Мне кажется, это было полезно и мне и товарищу: мне - новые знания, ему - отвлечься от рутины, хоть как-то ускорить время.

Следом я стал записывать плюсы и минусы всех профессий. У нас были: логист, программист, геодезист, юрист, инженер, банкир, официант и даже диджей! Ну и три школьника.

Но больше всех плюсам и минусам профессий был удивлен лейтенант М. Между ним и Пашей состоялся вот такой диалог:

- Слушай, тезка, а ты чем на гражданке занимался?

- Я? Я на логиста отучился, вот перед армией в крупной фирме работал, за месяц до уволился

- И сколько зарабатывал?

- По окладу - пятьдесят, так за контракт и до двухсот доходило

- Да, - задумчиво и как бы про себя сказал лейтенант С - Кажется, военные сейчас не в моде.

Товарищ лейтенант не единственный, кто грустил о своем денежном жаловании. Вот монолог капитана И:

«Ведь как так? Я работаю на государство за семьдесят пять тысяч, и это же государство берет с меня налог? Да за что? Да в вашей этой Москве одним курьером и то больше заработать можно, а на меня там как на говно смотрят... Вы спрашиваете о службе? Так вот, каждый день я прихожу сюда и думаю: «А за что меня сегодня будут иметь за семьдесят пять тысяч?»».

И удивительно, как на этом фоне ярко и сладко говорил замкомбат по политической части авиаполка N, который пришел нас агитировал:

- Костя, вот смотри, ответь мне, что будут делать после СВО?

- Ну, не знаю... Может зарплаты повысят?

- Правильно, нужно как-то удержать людей в армии, мотивировать их - будут повышены зарплаты, сейчас пятьдесят тысяч, но уже скоро будет что, и представляешь тебе как москвичу еще и надбавка столько же будет в течение года. Обалдеть, да? Был я в твоё время я непременно бы подписал и не купил!

- Ну... А чем я буду заниматься?

- Да будешь в части сидеть, вот здесь, на аэродроме. Катать летный состав от по полосе и обратно. На категорию В обучим.

- А как же СВО?

- Нет, нет, здесь будешь сидеть. Если хочешь - отправим на две недели, посидишь в укрытии в Донецке и сделаем тебе корочку, будешь пенсию получать. Я вот как-то туда год не

заходил - смотрю - а там уже что тысяч накапало, удивительно, да? А кстати, ты где-нибудь учишься?

- Нет, не поступил.

- От нашего полка поступишь туда, куда надо. Знаю в Москве имени Александра Невского академия, там на военную психологию у нас особенности есть. Будешь на заочке учиться, а здесь служить

- ...

- Ну в общем, подумай, поговори с родителями.

Я был одним из первых - ибо нам нужно было бежать на рабочку.

Пока ехали в грузовике, я думал, что он не верит во все это и сам. И по готовому тексту (как и многие другие) просто читает. И это, я думаю, был бы лучший исход.

К сожалению, парни мне рассказали, что после меня он «проагитировал» еще двух или трёх человек и недовольный, с криками «Да здесь никто не хочет подписывать контракт!», ушел восвояси, отсюда и прибыл.

Обо всем этом, конечно, я писал в своем импровизированном дневнике - когда на бумажках, но чаще я писал в своей голове, в своем сердце, точно как Солженицын, только носил я не ватник и ушанку, а китель и берцы.

После лекций Вадима об аддитивных технологиях Егор рассказал мне про двигатель внутреннего сгорания. Если бы на уроках физики был Егор, я бы конечно сейчас не писал бы и эту книгу, а решал задачи и выводил формулу в МФТИ - так просто и наглядно объясняет!

Это я тоже записал. Вообще, даже сам факт изложения мысли на бумаге помогает человеку справиться с стрессом, скоординировать свои мысли и чувства и не потерять себя в хаосе времени.

В хаосе времени (я не помню, через сколько точно они появились в нашей жизни) прибыла подмосковная команда, и при том очень характерная: на одного русского (и то, который оказался полуукраинцем полубеларусом) приходилось восемь братьев наших из Средней Азии и один армянин.

Национальностям в армии уделяется не то чтобы особое, но важное место. В конце концов именно по этому признаку и сближаются люди в первую очередь.

Следом за Подмосковьем приехали местные.

О, их было как всех нас взятых и помножить на два!

Как эти парни плакались, с каким они страхом, нежеланием становились в ряды... в тридцати минутах от дома. Буквально: выехал за территорию части и по прямой. Ты дома.

Я не хочу никого оскорбить, но факт остаётся фактом: в первый же вечер старый сержант строго-настрого накидал им не звонить и не жаловаться на всякую ерунду и мелочь. И чтобы вы думали?

На следующее утро старый сержант поставил всех новоприбывших планку, потому что «очень страшный дядя на три буквы» уведомил, что в звонках люди не очень-то и лестно отзываются об армии.

Кто же они - «очень страшные на три буквы»? Нет, не ФСБ.

ЗГТ.

Служба защиты государственной тайны. Из названия и так ясно, чем они занимаются, мы на них особо не концентрировались.

А вот на что смотрел каждый из нас - так это на ефрейтора из санчасти.

Мне не стыдно признаться, что в окружении мужчин, в вонючей (ох уж этот запах ног!) и напряженной обстановке, в которой на тебя орут и кричат раз через раз, без возможности выплеска тестостерона и адреналина, вся моя животная натура часто брала вверх надо мной. И особенно, когда проходила она или просто замечал ее в кабинете санчасти.

Она не была чем-то из ряда вон выходящим. Для Москвы - обычная, средненькая, чуть высоковата, рыжеватая, симпатичная девушка. Грудь второго-третьего размера. Но для нас, для тех кто уже готов был выть на луну, она была всем.

Было сложно сдержаться, но у меня это все таки получилось. С моей стороны не было ни подкатов, ни неловких шуток, ни даже слухов и фантазий о ней.

Даже когда спускались вниз попросить у нее пару таблеток хлорки.

А хлорку мы просили часто.

И в один день истратили половину коробка - грянула новость о проверке.

Та самая страшная проверка, которая должна своим светом справедливости озарить все изнанки этой части и поставить все на свои места! Приезд проверки в армии - это отдельное искусство, это шоу, это искра, которая способна поднять всех на уши и мобилизовать все ресурсы, чтобы спрятать или исправить в косяки. Это даже круче, чем когда до сдачи диплома у студента ровно ночь, хотя он и запланировал на написание по меньшей мере год...

Швабры и ведра летали и носили как угорелые. Из всех щелей и углов была сдернута каждая пылинка, каждая потертость была сглажена и приведена в порядок. То, что нельзя было спрятать - уничтожалось и пряталось; и даже если не было возможности ни уничтожить ни спрятать все равно прятали и уничтожали. Все лишнее, опасное, вредное - все, что может вызвать вопросы у проверки, все все все на время исчезло из привычного ритма жизни.

Мне досталась участь мыть лестницу (как выяснилось позже она называлась лестничный марш). Всего три простых шага.

Сперва - подмести. Одним веником на шесть рук.

Затем - промыть чистой водой. Ведро на двоих. Тряпок, к счастью, было на каждого.

И наконец - обезвредить микробов при помощи хлорки. То же, что промыть, только водой с растворенной в ней таблетками хлора.

И всего бы ничего, да вот только туда-сюда проходят толпы людей, оставляя после себя черные пятна грязи, фантики, тряпки, следы от подошв, воспоминания о бывших, надежды на светлое будущее...

Я злился.

Я плакал.

Даже старый сержант, не особо отличавшийся симпатией вообще к чему-либо, поднявшись на самый верх, обернувшись и заметив черные пятна после себя, тяжело вздохнул и сказал без акцента: «Ну, извини, брат».

Но я сделал это! я взял тряпку в руки (не себя!) и сделал это в пятый (шестой?) раз. Чистота и порядок! Генерал будет доволен.

Он не пришел.

Мы молча сидели в столовой санчасти.

Ждали.

Он не пришел.

И, пожалуй, и хорошо, что он не пришел. Мало ли что случилось бы?

Мужчины же не плачут, правда?

Даже те, которые не приняли присягу....

К присяге нас готовили все офицеры.

Среди всех готовящих нас выделялся старший лейтенант С. Низенький, коренастый и с волей к жизни. Его профиль я узнаю из тысячи: чуть длинный нос, глубокая посадка глаз, рыжеватость.

Из всех он был самым адекватным и добрее всего относился к нам, неопытным и юным. Показателен один случай: я не общался с родными две недели. Не звонил со своей нокии, не писал им. Осознанно. Действительно, как говорил старый сержант, «да мамочка я покушал

покакал все хорошо». К чему все эти разговоры? Ну и вот, как-то товарищ старший лейтенант и задаёт мне вопрос:

- Слушай, почему ты не звонишь родным? Все в порядке? Не поссорились?

- Да просто что мне им рассказывать? Что я покушал, попил? Все и так хорошо, зачем их беспокоить.

- Ну, тоже верно. Все правильно. Ну смотри

В каждой части, в которой я был, были антагонисты и добряки. В Будённовске добряком стал вышеупомянутый старлей С, а вот место злодея досталось прапорщику Г (он же Колыван).

Как-то, в один день, неожиданно решили провести шмон. Нас всех выстроили в два ряда и стали проходить по нашим кроватям и тумбам, лезть в спортивную форму. В спортивной форме я держал парадные зимние кальсоны.

И вот это ожидание наказания, ожидание выстрела пули в лоб, оно хуже всего. Чувство, что некуда бежать и сейчас ты получишь наказание.

А почему зимние? Ну, летние мы сдали в каптерку, каждое в свое подразделение, а вот зимние по прежнему оставались со мной.

Зачем они мне? Когда ты стираешь, а затем и сушишь стекляшку от всего пота что там скопилось, нужно в чем-то ходить. Голым не очень.

Кстати, о форме - она не греет, когда холодно, а без холода в ней жарко. Так как же одет солдат?

Первый слой, тот что ближе всего к телу - стекляшка. Тонкие длинные подташники и футболки (не побоюсь этого слова - лонгслив). В них ты ходишь постоянно. И спишь. Мне достались на пару размеров меньше и поэтому они постоянно открывали мое достоинство (это мне еще аукнется в Ростове, но об этом позже).

Второй слой - вафелька. Все то же самое, только ткань чуть более плотная. Снимаешь перед сном.

Третий слой - китель и штаны. Китель был ужасно потрепанный - 2016 года. А, согласно тому же пресловутому уставу, форму для солдат нужно обновлять каждые два-три года. Но, в целом, носить можно было. Китель и штаны аккуратно складываешь на табуреточку около кровати, так, чтобы рукава кителя были подняты под китель. Штаны сложены вдвое вдоль и лежат под кителем. И никак иначе. Все у всех одинаково.

Вернёмся к шмону.

Сперва мы услышали полет и треск чего-то.

Затем все наши предметы полетели один за другим на пол из кубарей. Летали лишние и непонятные для проверяющих мазилки, пластыри, лекарства; еда: батончики, печенье, вода, сахар; электронные сигареты. И тут дело дошло до моих кальсон...

- Чьи?

- Мои.

- То есть, вы, ТОВАРИЩ рядовой, обманули своего КОМАНДИРА!?

Я не успел ничего сказать. В этот момент произошла одна из лучших сцен в моей жизни. Таковую я даже в Большом не видел. Какая актерская игра! Какое мастерство!

Только представьте: злобным холодным взглядом, своей властной рукой товарищ прапорщик бросает на пол зимние кальсоны. Сорок четыре глаза наблюдают за полетом кальсон - а они, зимние кальсоны, пока летели вниз, вспомнили всю свою жизнь: от момента, как они жили в полях и были хлопком и дышали солнечным светом, как их собрали нежные руки среднеазиатских женщин, как эти же руки их обработали, забраковали и отправили в Москву на предприятие. А на предприятии грубые руки заключённых уже наконец придавали кальсонам нынешнюю форму. Кальсоны вспоминали, как они лежали много-много месяцев на складе в распределке, прежде чем попали ко мне в руки. И вот теперь только одна мысль не покидала их голову: «За что я, созданный на казенные деньги, измученный несовершенством системы, лечу

вниз, на этот грязный пол? Почему я не грею - ведь в этом мой смысл жизни?..» Не успели они подумать, как яростная нога, желающая возмездия за нанесенный моральный ущерб, наступила на них. Да не просто наступила, а, прижав, покрутила носком - так, чтобы на всю жизнь запомнили, чтобы всю жизнь помнили доблесть прапорщика Г!

Изнасиловав ни в чем неповинные кальсоны, товарищ прапорщик удалился. Грозно, грациозно. И даже его бородавка на щеке, за которую он и был прозван Калываном, даже она гордилась поступком своего хозяина.

Заверяю читателя - мой портрет точен, потому что, как выяснилось позже, прапорщик этот недавно получил свои три звёздочки совсем недавно, буквально в августе, за два месяца до нашего приезда и поэтому был в состоянии аффекта. С кем не бывает?

Как бы то ни было, кальсоны я больше не надевал. Там, где раз ступила нога прапорщика, солдату делать нечего! Тем более под ударом самые ценные (причинные) места для мужчины...

И вот так и проходили наши дни в санчасти. Сидели мы в этой форме, в этой капусте. Ничего интересного в сущности не происходило: сидишь, пишешь, смотришь за самолетами.

Разве что качка хоть как-то разбавляла наши будни.

Вообще «качки» было мало, а если и была то в шутку.

Приятно вспомнить и прожить пару веселых моментов - и все они произошли, когда старшим был младший сержант Д. Его я запомнил только тем, что он почти всегда был податый и никогда трезвый (да даже поговаривали, что свои две полоски получил за бутылку хорошего коньяка).

Первый случай выглядел так: таджик с перебинтованной ногой - тот, что прибыл в составе новой команды Подмосковья через две недели после нас, заходит в прихожую со словами из столовой: «Кто последний, тот <...>»

Уже через минуту мы стоим в крепком братском хвате.

Младший сержант понял так, что <...> - это он и есть! ну и старый сержант, раз они заходят последними. Справедливо? Справедливо. Ну вот и качались все, кроме того у кого была повреждена нога...

Второй случай был ещё смешнее. Только из-за шутки про гомосексуализм Сэма и Паши мы все сначала отжимались, а затем и качались. Кто ж будет спорить, что мы за традиционные ценности? Поделом.

Мне тоже доставалось. Лично. От того же сержанта.

Он неоднократно предупреждал, что нельзя, ну вообще нельзя засовывать руки в карманы. Я и не спорил.

А все таки на автомате засунул.

Пересеклись взгляды. Я помяк. Поддался.

С той стороны - радость, гордость хищника, который наконец-то поймал свою добычу. Живое доказательство, что порох в пороховницах ещё есть.

И я сделал это.

Пятьдесят отжиманий от грязного асфальта.

А я ведь только помылся...

Так было не всегда.

Однажды на утреннее построение прибыл товарищ Рядовой.

Отдельная глава про ГСМ

Чему только не посвящена проза! Чем только не восторгались писатели, поэты и великие ума этого мира!

Перечислять можно бесконечно, да вы и сами знаете: и про диалектику души Толстого, и про православную мысль Достоевского, и про любовь к березам Есенина...

Но слышали вы, как кто-нибудь когда-нибудь восхищался складом ГСМ?

Да, именно так! Восхищался! Не просто умилялся или радовался, а восхищался.

Все объясняется просто: в часы уныния, скуки и бесконечного самокопания человек настолько перестает чувствовать ход времени, что оно не просто замедляется - оно исчезает. Так, что минуты кажутся часами, мгновения - вечностью.

Именно поэтому я, Саня, Иванов и другие парни отправились с радостью закапывать цистерны. И не пожалели.

Пару слов об Иванове: он подписал контракт в поезде. Шучу! но говорить о контракте стал сразу после прихода в команду, даже не почувствовав пороха... Думаю, его можно понять: парень закончил девять классов, затем работал официантом - всё. Ни перспектив, ни образования. Что ему остаётся как применять свободу на стабильность? точнее, так: стабильное нищенствование и извечные вопросы к себе «Зачем я такой дурак?» После моего отъезда я ничего больше не слышал о нем, где он сейчас находится (в какой части, окопе, могиле, но лучше дома) - мне неизвестно.

Работали на ГСМ каждый день. После завтрака к нам приезжал товарищ Рядовой и забирал нас на работы. Чаще всего катал на грузовике, иногда - в «буханке» и это было феерично. Только представьте: вы едете и над вами - бескрайнее голубое русское небо, глубина которого втягивает вас с такой силой, что вы забываете обо всем. Вы хотите раствориться там, наверху, и по возможности сразу попасть в рай. Единственное, что держит вас здесь - это запах сигарет и папирос товарищей, которые как ни в чем не бывало курят на полной скорости, пока их подкидывает на каждой второй кочке и роняет пепел в кузов.

Работа была неинтересной, но видимо непосильной - до нас не делали дембеля, до дембелей кто-то ещё и вот она досталась нам. Никто не знает, что делали до этого, но нам досталась часть, в которой было необходимо: а) откопать вверх цистерны; б) присобачить туда деревянные; в) закопать деревянные. Всего три простых шага!

Как вы уже знаете, у меня больная спина: одна сторона накачана, другая нет. Так вот, лопата вылечила это! Нет, серьезно, просто возьмитесь непривычной вам рукой и перетаскиваете песок в положении полуприсядя - так вы почувствуете напряжение в другом боку, а значит, что мышцы нет-нет да растут. И потом на очередном построении я и сам себе удивился: стоял ровно и даже без волевых усилий. Пробуйте!

Тогда же, в песке, я получил свое первое прозвище - «Радио». Потому что пел песни под нос, а иногда и во всю.

Я не ощущал тяжести работы и чувствовал себя хорошо, но в подразделении, смотря мне в мои глаза, уставленные глубоко вдаль, только и говорили «копать-песок-лопата». Не будучи обидчивым, я и сам это подхватил и позже шутил.

И конечно, после такой работы ты потный. И вонючий, что уж тут скрывать.

А как быть? Душ непонятно когда (ходили мы в другую почту, ибо в санчасти не было душа, но не часто, потому что ответственные каждый раз боялись, что застудят нас - на дворе октябрь, а аэродром - поле, где ветер под двадцать метров в секунду), а из инвентаря с собой - раковина для мытья ног.

Решение пришло само: мне даже думать не пришлось! Капитан Г, начальник РХБЗ, рассказывая о том, как мылся в свои курсантские годы, полусушутя предложил нам мыться по спартански - садиться на карачки и легонько поливать себя. Ну, капитан Г, за мной не заржавеет!

Моему примеру последовали немногие. Только те, кто бок о бок со мной копал песок лопатой.

Но помимо лопаты я видел и цистерны с маслом.

Так, однажды вечером, уже после работы мы, палочка ГСМ, отдыхала и созванивалась с родными по кнопке. Вдруг резко появляется товарищ Рядовой и зовёт нас. Мы быстренько собрали, прыгнули в грузовик и поехали.

Машина остановилась. Тишина.

Вдали послышался свист и свечение фонарей. Все было точно как в кино: вертолет, большой, та самая «корова» медленно садился на посадку, с каждой минутой и свет и рев усиливался. Он сел практически над нами, да так что сначала я испугался - вертолет как будто шел прямо на нас! Ещё никогда в жизни я не ощущал всю мощь и гений человеческого разума - поднять железо в несколько тонн всего лишь при помощи одних кабинетных расчетов! И почему я только не учил прилежно математику в школе...

Сел. Замер. Лопасты уже по инерции продолжали вращаться.

Мы выпрыгнули из грузовика и пошли к вертолету. Тот уже любезно открыл свое нутро и мы обалдели: нашим глазам предстало три тонны машинного масла. Часть из нас брала по два маленьких бочонка в руки и несла к грузовику. Остальные - уже принимали груз, стоя на крае грузовика, и укладывали ровными рядами масло. Управились за минут пятнадцать или двадцать, дальше - поехали на склад.

Думал, будем разгружать, а нет, отпустили домой. То есть, в санчасть. На своих. Возглавлял товарищ Рядовой.

Кто же он такой, этот товарищ Рядовой? Человек лет сорока, невысокого роста, не особо крепкий, без острых черт лица, молчаливый. Фамилию не запомнил, звание - помню. Приводил на работу сына.

И вот, мы шли в санчасть. Здесь, пожалуй, будет один из самых красивых пейзажей за все произведение. Это стало моим местом силы, к которому я иногда возвращаюсь мысленно в тяжёлые минуты жизни.

Поздний вечер. Бетонная дорога из плит с колдобинами и выемками от выслуги лет простирается от ворот склада вдоль аэродрома и вплоть до санчасти. Железные птицы, остывая после недавних полетов, уставшие, прощаются с солнцем. Яркие его лучи еще не до конца ушли в закат, но фонари вдоль уже зажгли свой холодный яркий свет и освещают группу дорогу вперёд. Небо заволокли серые тучи, но здесь, на юге, близ Эльбруса (кажется, мы ещё в жили), серость вовсе не ощущается, как печаль. Серость с рыжими проблесками зари - это умиротворение. Ты идешь, но не ощущаешь тяжесть берцев; ты идёшь и трудности сегодняшнего дня не беспокоят тебя; все твои мысли - в твоём шаге, здесь и сейчас. И в шаге маленького ребенка, который идет впереди нашей колонны и своей тоненькой ручкой кое-как, но дотягивается до ладао своего отца, товарища Рядового, и крепко держится. И даже запах сигарет, этот убийственный запах, ощущается как часть этого мира, как нечто, без чего представить его невозможно. Глаза слезятся, но не смотреть на своего товарища с огоньком у рта на фоне малинового заката - потерять возможность хотя бы на мгновение почувствовать настоящую свободу...

Я бы желал, чтобы так проходил каждый день моей жизни. Чтобы у каждого из нас жизнь хотя бы чуточку напоминала этот день: работа, суета, рутина - да, это неотъемлемо, но осознание, что ты часть чего-то большего - это невероятно. Это то ради чего стоит жить.

Мать и сын

Вот так пролетел мой первый месяц в армии. Октябрь ушел быстро, а половина ноября пришла незаметно: я не успевал считать, сколько вареников я лопал по понедельникам, как уже стоял в очереди за следующей порцией.

Безусловно, моя первая часть оказалась детским садом - ничего серьезного, никаких судьбоносных решений и встреч. Все мое пребывание в Ставропольском крае описывается в двух словах: полная безмятежность.

Но были и такие моменты, которые серьезно повлияли на меня. Которые ломали. От увиденного становилось плохо. Такие дни показали, что война вообще-то здесь. И что я вообще-то военный, и служба - это не детская прогулка.

Событие первое - сгоревшая палатка

Мы смотрели из окон нашего двухэтажного советского лазарета на горящую палатку. Я не видел ничего ярче, чем пылающий брезент. Расстояние было приличным, 30-40 метров, тем не менее даже так мы ощущали жар и тепло, пот бежал легкой струйкой по моему виску.

Быстренько приехала пожарная команда и потушила огонь.

Как выяснилось позже - халатность. Просто халатность. Для нас - без каких-либо подробностей.

Событие второе - ночная атака беспилотников

Нас разбудили в час ночи. Или в три - я не помню, все помутнело в сознании тот момент. Крики, тревога, и ты вообще не понимаешь, что делать и что происходит! Сердце стучит, и твоя любознательность не просто исчезает - она превращается в камень тревоги, который равномерно давит на грудь именно в тот момент, когда от страха хочется дышать. Ты наскоро берешь свои вещи, одеваешься как можешь и бежишь вслед за остальными вниз - в бомбоубежище.

Полумрак. Запах краски. Низкие потолки. Клонит в сон.

И тут приходит осознание, что это вовсе не бомбоубежище. Оно даже и близко не тянет и на подвал, по правде говоря: обшарпанные стены, грязные потолки, мало света. В тот момент мой мозг рисовал тысячи картинок, как вражеский беспилотник врывается в наш подвал. Самый лучший вариант для меня - если мою голову моментально придавит плитой и я не буду мучиться. Но, конечно, именно вариант, в котором моя нога перебита и истекает кровью, в котором бетонная крошка запала мне в самую глубину моих лёгких, в котором оружий от испуга и раненый товарищ орет без остановки, рисовался в моей голове. В тот момент я молился Богу, я жалел, что не звонил родителям, младшему брату, родственникам, даже по такой глупости, как еда...

Только не подумайте: я не психопат и паникер! И руки у меня не тряслись от страха, паническая папка не началась. Наоборот, мои глаза устали куда-то в одну точку и замерли.

Замерли все. Кто-то спал, кто-то болтал, кто-то смеялся - да, каждый из нас по разному воспринимает угрозу и стресс (а, может, они уже когда-то пережили на гражданке?). Больше всего безразлично было старшим товарищам: полугодичникам и дембелям.

Все закончилось так же резко, как и началось. Мы вернулись спать и на утро узнали, что это просто фермер запустил дрона и поднял шумиху. Ну, так нам сказали...

Событие третье - гибель вертолетчиков

Не секрет, что в нашем обществе тема смерти табуирована. Как будто бы мы, не обсуждая ее, отдаляем свою кончину, отдаляем неизбежное, что с каждым из нас рано или поздно случится. Но это обман.

Случай с вертолетчиками наглядно мне это показал.

Новость пришла с утра, после завтрака. Нас построили и объявили, что мы будем участвовать в похоронах. Вчера днём погибли два офицера при подлете к Крымскому мосту. Кто их сбил? Неясно. Но не в этом и суть дела.

Весь вертолетный полк был построен на плацу и это было удивительно - сколько мы там не маршировали, он мне всегда казался маленьким и неуклюжим.

Впервые за свою жизнь я присутствовал на похоронах. И заодно на панихиде.

Священник кадил и пел нараспев молитвы. Его фигура величественно и плавно передвигалась между двух гробов черного цвета. Солнце светило так ярко в тот момент, что мне, хоть и в четвертом ряду, было отчетливо видно всю сцену: подразделения, построенные в одну линию по рангу: штаб, летчики, вертолетчики, рота охраны, аэр, бато ну и мы, молодняк, замыкающие.

Я не живу речами. Я не запомнил слов полковника (командира части). Уверен, они были полны скорби, боли и сожаления... Но разве есть что сказать павшим? Они и так уже увидели конец войны.

Говорить надо. Живым. Например, матери и сыну.

Они сидели напротив гроба. Мать была чуть сгорбленной, волосы покрыты черным платком, одета скромно, без каких-либо излишеств или приметных деталей: джинсы, сумка, платок. Также и ребенок - мальчик лет семи или восьми, находившийся в том самом возрасте, когда формируется детское самосознание. Когда его «Я» начинает понимать, что оно самостоятельное и не связано с матерью. И больше не связано с отцом.

Они обнимались. Мать то прижимала ребенка, то отпускала его, не в силах сдержать слез. Ее рука механически трогала лицо супруга, поправляла его, поправляла венки, поправляла цветы, поглаживая и лаская, словно надеясь поправить этот мир. Эту несправедливость, которая случилась с ней. Теплые ее дрожащие губы касались уже холодного тела. К сожалению, тепло ни физическое ни человеческого сердца не может вернуть к жизни человека. Не может повернуть время спать.

А мальчик стоял. Он ещё маленький, чтобы осознать всю полноту трагедии. Он ещё не понимает, что теперь на всю его оставшуюся жизнь ему не сыскать мужской поддержки, ему неоткуда будет брать пример, не с кем будет съездить на рыбалку, некому будет показать внуков. Не с кем будет обсудить, какой лучше подарок подарить симпатичной ему однокласснице.

Но он достаточно взрослый, чтобы понять, что что-то навсегда пропало из его жизни. Кто-то (да-да, именно кто-то! довольно все свалить на абстрактную войну, вам самим не надоело?) взял и оторвал от его маленького беззащитного сердца половину этого мира, лишил его красок, плевал на его пусть и маленькое, но достоинство...

Зато теперь его отец, офицер, герой! Г-Е-Р-О-Й! Вы что не понимаете? Им будет гордиться вся страна! Все ради единой Россия сегодня и ее великого будущего навсегда!..

Как же хорошо эти лозунги звучат из кабинетов министров и политиков, вдали от конкретных личностей, вдали от реальности. Окутанные красивыми фразами и речами, политики нагло обманывают нас ради своих мелочных и жадных целей. А мы молча все это терпим и ничего не хотим менять, потому что боимся жить по-настоящему. Жить по любви к ближнему.

А мертвый герой уже никогда не расскажет, как оно было на самом деле. Мертвый герой не сможет возмутиться. Мертвый никогда не скажет против. А семья, оставленная без кормильца, теперь находится в зависимости (не на попечении) от государства, а конкретно от тех лиц, которые будут выдавать пособия по безработице и потери кормильца...

Но это все лирика. Конечно, тогда таких мыслей у меня не возникало. Это все сейчас, смотря в ретроспективе.

Тогда я испытал шок. И не только я один: прибывшая вторая семья была явно растеряна. Членов семьи второго мертвого героя была куда больше: и мать, и сын, и отец, и, видимо, сестры или братья. У всех них - потерянный взгляд. Уставленный в одну точку. Слово они спрашивают: «Что теперь? Как же ты, сынок, мог нас так рано оставить? Господи, за что?..»

Каждый подходил к могиле и выполнял воинское приветствие. Каждый из нас равен перед смертью. Я посмотрел в зашитые и распухшие лица офицеров (их доставали из-под воды) и стало не по себе. Я увидел поближе лицо вдовы и сына. Я отвернулся. Я ушел и крепко отпечатал в своей памяти образ матери и сына.

Почему я поехал в Ростов-на-Дону

На следующий день часть жила по прежнему. Один из наших ответственных, капитан М, рассказал, что на похороны «скидывались» всей частью. Интересно, почему?..

После завтрака мы отправились писать тесты: на экстремизм, на пригодность к службе, на тип реакции - в общем, довольно нужно, но есть место для фантазии. В личном деле, в автобиографии, в строке «Кем я хочу быть после службы?» я гордо написал «Президентом». Попросили переписать.

Переписывай не переписывай, а к службе моя психика была не готова. Я обводил эти кружки и порисовывать галочек таким чудесным образом, что умудрился в четвертую группу. В четвертую группу попадают ребята, которым нельзя доверять ни оружие, ни технику, да даже швабру!

Таким оказался не я один. Все мои соседи, жители севера Москвы - Саня и Гусь - отправились переписывать тест вместе со мной.

Ребята умудрились написать так, что мы попали в одну группу. И переписывали вместе (и переписал на годную хоть для чего-то группу я только в третий раз, когда ходил уже в одиночестве к психологу).

Несложно догадаться, какие перспективы меня ждали в этой части - весь год или ходить копать или заступать в наряды в казарме.

Поэтому без лишних раздумий я согласился добровольно отправиться в ростовскую учебку.

Переезд

А дело было так.

Майор К, командир нашей роты, после ужина, построил нас перед входом в санчасть и объявил следующее: двое из нас отправятся в Ростов-на-Дону по обмену, а сюда пришлют двух молодых контрактников. Так что надо было выбирать, кто отправиться. Решить между нами или выберут по списку.

Я вызвался добровольцем.

И меня называли дураком.

Особенно те, кто оттуда был распределен сюда.

Чем меня только не пугали! но жребий был брошен, соответственно и изменить я ничего не мог.

Нужно же повидать мир, верно?

Больше всего этой новости расстроился Саня, и немудрено - за время, проведенное в Будённовске, мы с ним крепко подружились и сблизились. Были как два сапога пара. Но поехать со мной он не захотел, то ли родственники уже купили билеты в Будённовск на призыв, и поэтому было накладно перебронировать, то ли звезды не сходились. Видимо, слабое и отвага ярко выражены только у меня.

Был тут и мой корыстный интерес: я думал, что в учебке получу классную специальность (так называемый вус) и смогу оставшиеся полгода после распределения, вернувшись, поработать в Будённовске, но не срослось. Ни со специальностью (я ни разу по ней не работал и не буду работать, видимо, уже) ни с Буденновском (о той детской паре у меня остались только строчки в военнике).

Судьба распорядилась так, что в Ростов я отправился вместе с Пашей Д. Крепкий, высокий парень, логист. Пьет, курит, но а с кем не бывает? Прямо скажем, он был не в духе, когда узнал, что едет со мной. Почему выбрали его? Никто не знает, самая верная догадка звучала у нас так: перед Е в алфавите идёт Д, а фамилий на Ё и Ж не было, поэтому и отправился Паша Д вместе со мной.

Мы забрали парадную форму (я взял не свою - в каптерке все было перепутано и наобум), нам выдали по два сухпайка и вместе с молодым контрактником Н отправились в путь.

Изначально нам купили билеты на автобус. Но, поскольку в штабе все долго подписывают, и особенно списки о выбытии личного состава из части, все автобусы уехали без нас и в обход устава молодой контрактник Н повез на своем личном автомобиле - то ли «приора» то ли «двенашка», но не суть.

Было туманно и как-то не радостно. И ещё холодно. Ветер поднялся страшной силы. По пути и вовсе мы застали снег (на календаре 25 ноября). Любой римский император, посоветовавшись со своими гадалками и разбросанными кишками, повернул бы немедленно свое войско вспять. Но только не мы.

Мы ехали и вели непринужденную беседу. Ну, как мы. Паша разговаривал и курил, а я на заднем сиденье ел жадно сухпак, заедая тревогу и неопределенность. И до январских праздников это стала моя последняя нормальная еда.

Вот что меня поразило из всего разговора - молодой контрактник Н добровольно пошел на службу по контракту, променяв стабильную работу строителем. Из «высоких моральных побуждений и чувства долга».

Спору нет: защищать Отечество, когда оно в опасности, спасти свой дом, своих детей, семью - это священный долг каждого мужчины. Это заложено в наших паттернах и спорить с этим бесполезно. «Смерть за Родину - славная смерть».

Но только когда это вынуждено, когда нет шанса повернуть обратно. Другая ситуация, когда ты подписываешь бумажки ради денег. И при этом осознаешь, что готов убивать людей ради них.

Молодой контрактник Н не особо задумывался над этим. Подписал и подписал, что такого? Работает на аэродроме, заступает в наряды, всегда на связи с любимой - что ещё надо для счастья? Он был адекватен, прилежен, грамотен, явно не из тех, кто подписал ради денег. И это и страшно...

Тем временем мы добрались до Ростова-на-Дону.

Ростовское училище: первые часы

Ростов-на-Дону!

Как же мне жаль, что я приехал тебе в гости в первый раз жизни именно так: будучи несвободным, без денег, без смысла, а ещё и самое мрачное время года - конец осени.

Периода, когда лето уже давно ушло, не обернувшись на прощание. Осень все чего-то ждёт и не хочет уходить, а зима теснит осень. В таких пейзажах город стал грязным, не обутым, невымытым, неотесанным. Все здесь было серым.

Как тут можно ожидать хорошего?

Это ощущение усилилось еще до подхода ко входу в часть.

Н бросил свою машину так, что мы шли вдоль всей части: огромные серые здания бывшего артиллерийского училища давили на нас со всех сторон, со всей своей силой, снег крупными хлопьями бил в лицо и пальцы в тонких парадных перчатках мерзли. Мы явно ошиблись шкафами: вместо Нарнии мы двигались к Анти-Нарнии, где нам явно не будет хорошо.

Масло в огонь подлили ребята, которые стояли в бронежилетах на КПП и вроде как ежеминутно должны быть готовы броситься защищать родную часть и умереть за неё.

Да, готовы.

Без огонька в глазах.

Без смысла и боли.

Все, что можно уничтожить в человеке и подавить - уничтожено и подавлено.

- Что, ребят, сколько служите?

- Две недели.

- И уже стоите в наряде?

- Ну, мы присягу на второй приняли, так и стою тут, на 1-ом КПП...

Это был удивительный. Нет, разительный контраст. Взрыв башки. Отвал мозга.

В семи часах езды отсюда на машине к срочника относятся как к детям: берегут, жалеют, рассказывают четыре часа про то почему быть дамским угодником плохо.

Здесь - два дня и ты уже солдат.

Причем полноценный.

Мне нечего было спросить и сказать. Настала гробовая тишина.

Она повисла над нами и в тот момент я задумался над тем, где все таки в жизни ошибся.

Тем временем молодой контрактник Н мило беседовал с бабушкой (да, хочется назвать ее старой каргой, но не будем делать лишние акценты), которая сидела за стеклом.

- Здравствуйте, я вот тут привез по приказу...

- Слушайте, вы чего хотите? Вот телефон, вот номер, звоните дежурному по части

Пока молодой контрактник Н звонил дежурному по части, прибыли наши товарищи по несчастью. Еще двое срочников из другой части, которых обменяли на контрактников.

Знаете, иногда не обязательно и говорить, чтобы понять человека. Беседа с ними была непродолжительной, буквально две строчки, но в тех словах было столько надежд и боли, столько переживаний за свое будущее, что не написать их здесь я не могу:

- Добрый вечер! Младший сержант Н привез двух по приказу... - бабушка молча и с ненавистью в жесте показывает на молодого контрактника Н, а молодой контрактник Н повис на телефоне и ждёт ответа.

- О, вы тоже по обмену?

- Ну, да... Мы из Таганрога, а вы?

- Из Будённовска.

- Из боевухи?

- Ну, да...

- Ну, понятно...

Так и стояли в одном маленьком тамбуре шесть срочников, два контрактника и одна сидящая бабушка.

Пришел офицер. С красной повязкой на руке - «Помощник командира части».

Взял нас, мы распрощались с контрактником и пошли.

Меня перекашивал в сторону мой здоровенный баул. Шли молча.

Все вокруг было неприветливым. Мрачным. Я ещё много не знал об этой части, но уже чувствовал, что здесь будет непросто, нездоров.

Первое, что бросилось в глаза - плац. Как говорится, плац - это лицо части. Видимо, эту часть или кто-то хорошо побил, причем не так давно, буквально перед нашим приездом, или лицо давно так не чистили, что от однажды прикоснувшись пальцем к носу на осмотре у невролога вместе с грязью упал и нос и сам палец: вокруг нас были выбоины, ямы, кривая разметка, местами пропавшая; замёрзшие большие лужи, на которых то и дело спотыкались проходящие туда или сюда люди; стенды и плакаты с цитатами из устава, которым давно было пора уйти на покой. Все здесь отдавало настроением потерянного наследства. Действительно: раньше на месте этой вкусной учебки базировалось РАУ - Ростовское артиллерийское училище, прославленное своими молодыми выпускниками, в годы Великой Отечественной войны совершившие немало подвигов.

Плац закончился.

Мы стали подниматься и наконец-то поднялись на четвертый этаж.

Гам, шум, суета - все были чем-то заняты.

Я посмотрел в самый дальний коридор роты. Этой роте не было предела. Это натуральный человеческий муравейник.

Из этого муравейника нам на встречу вышел местный коптер. Забрал наши сумки.

Оказался гнидой - когда я забрал баул обратно, фломастера в боковом кармане уже не оказалось. Сухпак тоже обобрали. Из него самым ценным (и не зря!) считали вишневым сухой концентрат: его слабый и сладкий вкус гасил привкус хлорки в кипяченой воде.

К нам относились по особенному. Мы - прикомандированные.

На вечернем построении стояли в конце строя, отдельно, по синьке (парадная форма вкс). Пересчитали нас так же отдельно. В отличие от всех мы могли спокойно пользоваться кнопочными телефонами и не скрывать это.

Нас поместили у самого окна. Чуть правее и выше окна был повешен фонарь. Он старался светить очень ярко, но все равно пропадал в снегопаде, и все это было так вовремя, так по нашему: мы с товарищем, оторванные от родной части, от привычных нам мест, вдали от дома, тоже все равно светили и надеялись на лучшее...

Я заснул и думал хорошенько отдохнуть после долгой дороги.

Ростовская учебка: первая ночь

Я проснулся.

Было около двух часов ночи.

Я не понял, что конкретно случилось, но по хаотичным движениям прыгающих с кроватей парней меня осенило, что наступила тревога.

Для меня это не было шоком: после той ночи в Будённовске к нам ещё пару раз залетали беспилотники. Уже стало привычно, уже мысли были направлены не на то, как выжить, а на то, как заснуть и отдохнуть.

Так и тут: многие из тех, кто уже подольше находился здесь, при крике дежурного по роте или дневального, медленно и не спеша вставали. Они глубоко внутри понимали, что ничего не случится. Ничего не будет. Что теперь задача не выжить, а просто уснуть и выспаться.

Мы спустились вниз с четвертого этажа, каждый со своей табуреткой.

Пробежали чуть по улице и оказались в подвале.

Огромный, необъятный.

Только представьте: помещение, в котором на табуретках рядами усеяно двести или триста человек с одной и другой стороны.

Не удивительно, почему здесь было жарко и душно.

Из удобств – балки из дерева, которые подпирали потолок и видимо служили гарантией нашей выживаемости при прямом попадании чего угодно. Спи как хочешь.

Пацаны были уставшие, забитые. Тут сидела не только 2.3, в которой я был на птичьих правах, но и другие подразделения со второго и третьего этажа.

Уставшие, но тем не менее приветливые. Удивительная способность человека даже в самых жутких и нестандартных условиях сохранять чувство юмора и сознания.

Я не смог заснуть на табуретке. Тогда жажда исследовать и познать поглотила меня, и я стал бродить по подвалу. Оказалось, помимо основного помещения было ещё три: сломанный туалет, ведущий на поверхность; коридор, усыпанный побитой и списанной мебелью; и темное помещение, в котором люди спали и действительно отсыпались. Я долго думал, куда мне лечь. Здесь было важно соблюсти два фактора: не потерять из виду подразделение и при этом не получить выговор или что-нибудь такое от проверяющего.

Выбор (я) лег на стол. И это было восхитительно. Заснул, лишь затем чтобы проснуться через два часа – какой-то комод разбудил меня и сказал про отбой тревоги. Пора подниматься наверх.

Прощание с 2.3

Мы поднялись наверх и стали наводить порядок.

Заправляли кровати, ставили тумбы на место - в общем, стандартная процедура.

После мы снова спустились, построились и побежали...

Да, местная забава была такая: любое передвижение вне казармы - бегом. И до столовой, и со столовой.

Мы зашли внутрь и повесили всю свою одежду на вешалки. Один остался охранять. Я пошел мыть руки, но оказалось, что мыла тут нет и не было.

Просто сполоснуть тоже было неплохо.

С тех самых пор у меня появились привычка - я держал хлеб концами пальцев левой руки за корочку и ел все, кроме этой корочки. Сработало: ни разу за все мое пребывание в учебке я не отправился и не блевал.

Чем же здесь кормили?

Еда была не очень, прямо скажем. Хлеб твердый, печенье выдавалось строго по одному на солдата и чуть что поварахи грозились лишить всех этим угощением. Вилочек не было - только ложки. И ох уж эти пельмени! Маленькие резиновые соевые штучки. Под конец учебки я их обожал, ненавидел и видел во снах одновременно. Наестся можно только хлебом. От мяса - только привкус. Хорошо, что за полгода мне ни разу не попались тараканы или прочая тварь, как об этом рассказывали сбежавшие отсюда в Будённовск дембеля и полугодичники.

А ещё мне было плохо - от сала из сухпайка тошнило. Все что я мог это только пить чай с привкусом хлорки. Был там бром или нет - мне неизвестно.

После завтрака отправились обратно в подразделение. Бегом.

Поднялись.

В роту прибывали новые люди: команды из Волгограда, Калмыкии и других городов. Все парни были растеряны, напуганы. Хотели позвонить родным.

Я поступил как нувориш.

Я чувствовал, что могу так поступить: я служил уже месяц, а он только приехал; я обладал властью, а он нет; я уже разбирался, а он нет; как там говорится, кто владеет информацией - тот владеет ситуацией? То тоже.

Я потребовал бритвы в обмен на звонок. Всего один звонок. Нервный и изученный парень согласился. И я получил свои бритвы. Все три. А парень созвонился и недолго общался, спрятавшись в углу, с мамой.

Внешнему наблюдателю все кажется честным, но я затребовал весь комплект - все три станка. Но бритва - стратегический запас в армии. Без бритвы тебе долго не знать покоя - чуть отрастет борода и ты уже под угрозой улететь в наряд вне очереди. Но не думай пользоваться уставной! Мне хватило лезвий парня буквально на два-три раза, затем я выбросил. При первой же посылке попросил маму мне купить качественные бритвы.

Этого же парня мы спасли от контракта.

Дело было так: один раз роту построили перед неким полковником или подполком из ракетной части. Началась агитация, и при таком такая, что соблазниться было невозможно - и отпуск тебе дадут, и зарплата достойная будет, и на передок тебя не отправим, ну и конечно телефон нормальный дадим созвониться.

Несложно догадаться, что парень, который буквально три дня назад был дома, кушал вкусно, обнимался с мамой, папой, девушкой - в общем, был в максимальном комфорте, а теперь находится в критическом стрессе, не просто вешал эту лапшу, он ел, её и при том просил добавки!

Через пару минут он уже сидел и писал рапорт на контракт.

Мы с Пашей не удержались и начали ему объяснять, что да как тут проходит в этой армии. Что не станет тебе хорошо или проще от контракта, это не выход, мужчина, не бежит от обстоятельств, настоящий мужчина. При нас он разорвал рапорт и бросил его в мусорку.

Спустя пару месяцев, уже в апреле, я заметил этого паренька в столовой, он стоял сбоку от очереди и то и дело умирал наиболее крикливых. Стал командиром, значит, выбился в люди, что уж сказать. Моя совесть чиста.

Пока команды совсем зелёных уходили по врачам (мы этот этап уже проходили в Будёновске), я лазил по полкам в поисках интересного. Ничего, кроме уставного полотенца, мне не приглянулось. Небольшое, белое, сворачивается. С пупырьками. Мне такое действительно не дали в Москве в распределке. Как покажет время, присвоение чужого сэкономит мои скромно заработанные деньги. В свое оправдание скажу: парень ушел и свое полотенце бросил (оставил? потерял? а по армейски очень коротко и ясно) аж под тумбочкой. Видимо, в спешке.

Было скучно, а точнее томительно долго ждать, что с тобой будет дальше. Коротали время за игрой в шахматы и шашки, я даже успел прочитать первую часть какой-то мотивационной и очень известной книги. Хотел почитать и Пелевина, но руки не дошли.

В Будёновске нас с Пашей научили каждый раз вставать, когда входит в кабинет старший по званию. Ну мы и вставали. А здесь, как оказалось, такое не практиковалось и это нас очень удивило.

В скором времени прибыли на этаж Костя и Владик - оба точно так же, как и мы были, прикомандированы из боевых, а Владик и так вовсе из гвардейской части (сколько зависти же у меня тогда было ему красному значку! повезло так повезло). Костя, мой тезка, оказался моим соседом в Москве (буквально перейти железку) и мы с ним стали приятелями, часто здоровались и перекидывались фразами. Влад в итоге попал к нам в роту, в 2.4. Я был рад этому, но крепкой дружбы завязать не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.